

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 06.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-514-519

ВЕРБИЦКАЯ Юлия Витальевна,
адвокат,
преподаватель кафедры интеллектуальной собственности,
Московский университет им. А.С. Грибоедова,
e-mail: julverbickaya@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БИОТЕХНОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТА ЧАСТНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы правовой охраны биотехнологических решений в контексте частно-правового регулирования и биоэтических ограничений. Анализируется место биотехнологий как объекта гражданско-правовой охраны, раскрывается значение патента как основного механизма закрепления исключительных прав на результаты биотехнологической деятельности и их коммерциализации. Особое внимание уделено пределам правовой охраны результатов генетических исследований, связанным с публичным интересом и принципами гуманности и морали.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; исключительное право; патент; изобретение; генетическая информация; ген; патентование гена; ноу-хау; биотехнологии.

VERBITSKAYA Yulia Vitalievna,
lawyer, Lecturer at the Department of Intellectual Property
A.S. Griboyedov Moscow University

FEATURES OF LEGAL PROTECTION OF BIOTECHNOLOGY AS AN OBJECT OF PRIVATE LAW REGULATION

Annotation. The article discusses the problems of legal protection of biotechnological solutions in the context of private law regulation and bioethical restrictions. It analyzes the place of biotechnology as an object of civil law protection and reveals the significance of a patent as the main mechanism for securing exclusive rights to the results of biotechnological activities and their commercialization. Special attention is paid to the limits of legal protection of the results of genetic research, which are related to public interest and the principles of humanity and morality.

Key words: intellectual property; exclusive right; patent; invention; genetic information; gene; gene patenting; know-how; biotechnology.

В современном мире под биотехнологиями принято понимать использование живого организма в промышленных и научных целях, для производства полезных, обычно коммерческих продуктов, с целью улучшения качества жизни человека. Мышак Е.А. отмечает многообразие дефиниционных вариаций данного термина в его словарном проявлении, и подчеркивает необходимость формирования окончательного унифицированного понятия для практического применения [9].

За последние годы биотехнологии вошли в число самых инновационных и перспективных секторов мировой экономики, развитие которых вносит значительный вклад в решение таких глобальных проблем, как мировой голод, изменение климата, продолжительность жизни.

Так, в 2023 году объем мирового рынка биотехнологий составил 1,38 триллиона долларов США, в 2024 году – 1,55 триллиона долларов США, по прогнозам экономистов тенденция к росту будет сохраняться в ближайшие десять лет и к 2034 году объем мирового рынка биотехнологий составит 4,61 триллиона долларов США [18].

Рост мирового рынка биотехнологий требует детального правового регулирования [11], обеспечивающего не только безопасность использования биотехнологий и биотехнологических исследований, но и соблюдение морально-этических аспектов, а так же защиту капиталовложений, для обеспечения инвестиционной привлекательности данной сферы экономики.

Единая система правового регулирования

биотехнологий на международном уровне еще не сформировалась. Существует ряд актов, затрагивающих отдельные аспекты обращения биотехнологий, генетических ресурсов, биобезопасности и охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Конвенция ООН о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.) стала первым международным нормативно-правовым актом, регулирующим правоотношения в сфере биотехнологий. В документе закреплены определения основных понятий, используемых в отрасли, таких как «биологическое разнообразие», «биологические ресурсы», «биотехнология», «генетический материал» и т.д.

Под биотехнологией в контексте Конвенции, понимается «любой вид технологии, связанный с использованием биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов или процессов с целью их конкретного использования» [19]. В то же время, основной текст документа носит декларативный характер, определяющий основные принципы правового регулирования данной сферы, реализация которых предполагает дальнейшую дополнительную совместную работу сторон.

В процессе реализации положений Конвенции в дополнение к ней были разработаны Картахенский протокол по биобезопасности (Монреаль, январь 2000 г.), Нагойский протокол регулирования доступа к генетическим ресурсам и совместного использования на справедливой и равной основе выгод от их применения и Нагойско-Куала-Лумпурский дополнительный протокол об ответственности и возмещении за ущерб к Картахенскому протоколу по биобезопасности (Нагое, октябрь 2010 г.). Однако эти документы ратифицировали не все стороны Конвенции, поскольку в процессе проработки положений протоколов обнаружились противоречия в позициях разных государств относительно их содержания. В частности, интересы стран – экспортеров продовольствия не совпадали с интересами государств – импортеров. Так, Щеглова А. М. отмечает, что процесс разработки проекта Картахенского протокола по биобезопасности в итоге шел по пути инкорпорации компромиссных, а порой и противоречащих друг другу формулировок, итоговые формулировки которого в итоге в полной степени не устраивали ни одну из сторон [16]. В результате существующая международная правовая база задает лишь общие ориентиры, на которые должны ориентироваться государства при разработке национальной правовой базы в области биотехнологий. Усманова Е.Ф. констатирует отсутствие консенсуса даже в вопросе используемой в данной сфере термино-

логии [15].

Значимость биотехнологий неизменно растет в фармацевтике, агропромышленном комплексе, промышленном производстве, экологических проектах и медицине [3]. Для каждой из этих сфер характерны высокая стоимость проводимых исследований и длительный временной период от начала разработки до внедрения технологий. Поэтому механизмы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, позволяющие закрепить результаты за конкретным правообладателем, имеют в данных сферах принципиальное значение, для обеспечения возможности возврата вложенных средств и получения прибыли. Таким образом, биотехнологии выступают не только в качестве объекта публично-правового контроля, связанного с вопросами безопасности и биоэтики, но и в качестве объекта частноправового регулирования, в рамках которого решаются вопросы принадлежности результатов интеллектуальной деятельности, их передачи, лицензирования и защиты интересов участников инновационной деятельности.

Как объект частноправового регулирования биотехнологии неоднородны. Например к ним относятся способы редактирования генома, технологии клеточной терапии, ферментации, моноклональные антитела, вакцины, и иные технические результаты, возникающие на стыке биологии, медицины, химии и технологии [1]. С правовой точки зрения этим обусловлено отсутствие единого режима охраны для всех результатов биотехнологической деятельности: часть из них может охраняться как изобретения, часть — как селекционные достижения, часть — как секреты производства (ноу-хау), а отдельные результаты — только в рамках авторского права на научные произведения. При этом одна и та же технология может иметь кумулятивную охрану, то есть одновременно охраняться несколькими режимами (например, как объект авторского и патентного права) [6].

В системе частноправовых средств защиты результатов биотехнологической деятельности патент занимает центральное место, поскольку именно он удостоверяет «приоритет, авторство и исключительное право на использование объекта интеллектуальной (промышленной) собственности» [5]. Для сферы биотехнологий это особенно важно из-за наукоёмкости и дороговизны исследований. Щербакова А. В. называет возможность получения патента на биотехнологию — гарантией привлечения финансирования для разработчиков [17]. Правообладателем патента в сфере биотехнологий может быть как сам автор разработки, так и иное лицо, к которому право на получение патента перешло на законном основании. Биотех-

нологические исследования обычно осуществляются не индивидуально, а коллективно в рамках деятельности научных организаций, университетов, фармацевтических компаний, стартапов или инвестиционных проектов. В результате автором решения может выступать коллектив исследователей, а правообладателем патента — работодатель, заказчик исследования, инвестор либо иное лицо, получившее соответствующие права в силу договора или закона.

Правовая охрана патента распространяется на территории государства, в котором патент получен. Единого международного патента не существует. Однако в некоторых межгосударственных объединениях действуют региональные патенты (например, евразийский патент (действует в восьми странах СНГ) или европейский патент (в странах Европейской патентной конвенции). Ковалёв В. В. отмечает, что для расширения территории действия патента в международной практике распространены патентные соглашения и «патентные пулы», как инструменты монополизации рынка, формально противозаконные, но широко используемые крупными корпорациями [5]. При этом Гавриков М. Д. относит «патентные пулы» к числу форм коллективного управления патентными, сложившихся за более чем двухвековую историю существования патента [4].

Патентная охрана биотехнологических решений не может оцениваться на общих основаниях, исключительно через призму их экономической ценности или технологической новизны. В отличие от иных объектов патентного права биотехнологии непосредственно затрагивают живые организмы, человеческий биоматериал, репродуктивные процессы, генетическую информацию и т.д., что требует учета как частноправовых так и этических норм.

Исторический опыт XX века показал, что научный результат, полученный вне гуманистических и правовых рамок, не может автоматически признаваться социально допустимым и претендовать на получение правовой охраны. В научной литературе основная дискуссия ведется вокруг поиска баланса между потенциальной пользой биотехнологий и рисками непредсказуемых последствий, которые несут в себе генетические манипуляции. Встает вопрос о защите интересов будущих поколений, которые столкнутся с последствиями генетических экспериментов, не имея возможности дать информированное согласие или отказаться от вмешательства [13, 14].

В ч. 4 ст. 1349, ч. 2 ст. 1419 ГК РФ содержится запрет на предоставление правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, противоречащим принципам гуманности и

морали. При этом содержание этих принципов в законодательстве не раскрывается. Рассматривая данный вопрос, Латынцев А. В. относит принципы биоэтики к нетрадиционным источникам права, и отмечает необходимость конкретизации частных случаев их практического применения в законодательстве [8]. ГК РФ содержит прямой запрет на патентование способов клонирования человека, способов модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, а также использования человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях [20]. В остальных случаях вопрос о предоставлении правовой охраны той или иной биотехнологии решается в соответствии с принципами гуманности и морали, что, по мнению Латынцева А. В., может «приводить на практике в ряде случаев к субъективным и весьма спорным выводам» [8].

Широкое разнообразие видов биотехнологий породило множество классификаций. Наиболее известная в мировом научном сообществе типология Риты Колвел (Dr.R. Colwell) основанная на цветах, где каждому цвету соответствует определенная отрасль (красному — биомедицина, зеленому — сельскохозяйственные биотехнологии и т.д.). За двадцать три года существования типологии трактовка традиционных цветов претерпела незначительные изменения, а их количество выросло с трех до десяти [7]. Понкин И. В. предложил классификацию биологических патентов на три группы: объекты (модифицированные клетки, молекулы полинуклеиновых кислот, последовательности изолированного гена и др.), методы и технологии (способы выделения, производства, обработки или использования биологических объектов), комбинации (совокупности методов, технологий, изобретений и т.д.) [10, 12]. Стоит отметить, что в классификацию Понкина И. В. попадают только патентоспособные биотехнологии, отвечающие требованиям, предъявляемым законом для данного вида правовой охраны.

При этом вопрос о возможности патентования отдельных видов биотехнологий, обладающих особой экономической ценностью в разных странах решается по-разному. К таким биотехнологиям можно отнести гены и генетические последовательности нуклеотидов.

Анализ мировой практики позволяет выделить две основные модели патентной охраны генетических последовательностей: абсолютная (охрана вещества без каких-либо ограничений) и ограниченная (ограниченная назначением вещества или соединения, или его биологически активными свойствами). Новоселова Л. А. и Кольздорф М. А. отмечают мировую тенденцию к отказу от абсолютной модели патентной охраны генетиче-

ских последовательностей в пользу ограниченной [10]. В отдельных государствах (Франция, Германия) законодательство прямо исключает возможность предоставления абсолютной охраны таким веществам. Так, согласно Кодексу интеллектуальной собственности Франции указано, что «объём формулы изобретения, относящегося к последовательности генов, ограничен той частью последовательности, которая непосредственно связана с конкретной функцией, конкретно раскрытой в описании» [21]. В США механизм ограничений реализуется через судебную практику [2]. Российское законодательство не содержит прямой нормы о запрете абсолютной защиты генетических последовательностей — ограничение выводится косвенно через требования к формуле изобретения. То есть, в силу ч. 2 ст. 1354 ГК РФ охрана патенту предоставляется в объёме формулы, а формула изобретения обязана содержать функцию [22] [10]. Таким образом, другие участники рынка могут продолжать исследования, а открытие новой функции запатентованной последовательности или гена даёт им право на оформление зависимого патента.

Двойственная природа гена остается предметом дискуссий о его патентоспособности. Ген состоит из генетической информации и материального носителя. В силу п. 6 ч. 5 ст. 1350 ГК РФ, информация сама по себе не может быть патентоспособным изобретением. Аналогичное положение содержит Европейская патентная конвенция [23]. Принцип непатентоспособности информации является одним из юридических препятствий для охраны генов как объектов исключительных прав. Однако в международной правоприменительной практике к оценке патентоспособности генов был выработан следующий подход: гены как вещество патентоспособны при наличии описания технологического процесса их производства и одновременном раскрытии в формуле новой технической функции (нового пути к промышленному производству, нового препарата и т.д.) [10]. Без этих двух элементов простое описание нуклеотидной последовательности представляет собой открытие, непатентоспособное в силу положений ч. 5 ст. 1350 ГК РФ и аналогичных норм в иных юрисдикциях.

Новоселова Л. А. и Кольздорф М. А. отмечают, что генетическая информация в совокупности с иными сведениями может относиться к способам осуществления профессиональной деятельности (проведение исследований, изготовление медицинских препаратов) [10]. В этом случае, при невозможности получения патента на биотехнологию или нежелании автора раскрывать свое техническое решение, отечественное законодательство

допускает охрану такой разработки в порядке, предусмотренном гл. 75 ГК РФ, как ноу-хау. В сравнении с ноу-хау при патентной охране учитываются интересы и общественности (раскрытие новых знаний) и изобретателя (получение временной монополии). При режиме ноу-хау этот баланс нарушается: общество лишается доступа к информации на неопределённый срок.

Первым документом ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности), рассматривающим генетические ресурсы и традиционные знания, связанные с генетическими ресурсами, через призму права интеллектуальной собственности, является Договор ВОИС об интеллектуальной собственности, генетических ресурсах и традиционных знаниях, связанных с генетическими ресурсами (Женева, май 2024 г.). В документе закреплены определения терминов «генетический материал», «генетические ресурсы», «источники генетических ресурсов», «условия in-situ» и др., а так же предусмотрены меры, направленные на предотвращение ошибочной выдачи патентов на изобретения, которые не являются новыми или не имеют изобретательского уровня относительно таких генетических ресурсов и традиционных знаний. В то же время, как отмечают Новоселова Л. А. и Кольздорф М. А., данный документ является процедурным, а не материально-правовым [10], и не направлен на приведение к единообразию условий предоставления правовой охраны биотехнологиям.

Подводя итоги, стоит отметить, что биотехнологии — стратегически значимый и стремительно растущий сектор мировой экономики. Стремительное развитие данной сферы требует правового регулирования, одновременно обеспечивающего безопасность использования биотехнологий, соблюдения биоэтики и учет общественного интереса, а так же защиту капиталовложений и инвестиционную привлекательность данной отрасли. Патентование является основной формой частно-правовой охраны биотехнологий, позволяющей наиболее полно обеспечить баланс между общественными интересами, и интересами бизнеса. При этом, несмотря на мировую тенденцию к ужесточению требований, предъявляемых к геномным биотехнологиям при решении вопроса о возможности выдачи патента, условия оценки соответствия таких решений общим критериям патентоспособности, устанавливаемые на национальном уровне остаются различными.

Список литературы:

- [1] Ахмедова Г. Современные методы биотехнологии / Г. Ахмедова, Ш. Маммедова, Г. Аннаева, Г. Овезмырадова // Инновационная

наука. — 2024. — № 10-2-2. С. 11–13.

[2] Борулёва Е. Д. Патентование генома человека и изобретений, основанных на геноме человека: сравнительно-правовой анализ подходов Европейского Союза, англосаксонских стран и стран БРИКС / Е. Д. Борулёва // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2025. — № 1 (47), март. — С. 96–107.

[3] Волова Л. Т. Проблемы правового регулирования отношений в сфере медицинских тканевых технологий в Российской Федерации / Л. Т. Волова, Н. А. Максименко М. В. Левина // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2024. — № 3. С. 97–109.

[4] Гавриков М. Д. Патентное право и конкурентные отношения в бизнесе: вызовы и возможности / М. Д. Гавриков // Вестник ФИПС. — 2023. — № 2 (4). С. 32–36.

[5] Ковалёв В. В. Понятие и содержание гражданско-правового регулирования патентного права, охраны и защиты патентных прав / В. В. Ковалёв // Право и управление. — 2023. — № 5. С. 199–204.

[6] Королёва А. Г. От демаркации к частичной кумуляции: эволюция подходов Великобритании к соотношению форм правовой охраны объектов промышленного дизайна / А. Г. Королёва // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сборник материалов X Международного юридического форума (IP Форума) : в 2 т. — М. : Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. — Т. 1. — С. 202–204.

[7] Кудрявцева О. В. Типология биотехнологий и место в ней Российской биоэнергетической отрасли / О. В. Кудрявцева, Е. Ю. Яковлева, М. В. Вильт // Вестник ГУУ. — 2014. — № 13. С. 123–132.

[8] Латынцев А. В. Принципы биоэтики как нетрадиционные источники права интеллектуальной собственности / А. В. Латынцев // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 12 (169). С. 57–67.

[9] Мышак Е. А. Специфика дефиниции термина «Биотехнология» / Е. А. Мышак // Studia Humanitatis. — 2018. — № 3. — С. 19.

[10] Новоселова Л. А. Генетическая информация как объект интеллектуальных прав / Л. А. Новоселова, М. А. Кольздорф // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 48. С. 290–321.

[11] Останина Е. А. Биобанк как правовая категория / Е. А. Останина // Юридический вестник Самарского университета. — 2023. — № 2. С. 65–70.

[12] Понкин И. В. Патентование в сфере

биотехнологий / И. В. Понкин // Промышленно-торговое право (Беларусь). — 2015. — № 10. — С. 88–91.

[13] Стамбольский Д. В. Информированное согласие на получение и использование клеточного материала человека: нормативно-правовое и этическое регулирование / Д. В. Стамбольский, Е. В. Брызгалина, А. Ю. Ефименко [и др.] // Российский кардиологический журнал. — 2018. — № 12. С. 84–90.

[14] Тищенко П. Биоэтика и биотехнологическое освоение будущего / П. Тищенко, О. Попова, Р. Белялетдинов // Философско-литературный журнал «Логос». — 2025. — № 5. С. 11–49.

[15] Усманова Е. Ф. Правовая регламентация проведения генетических исследований / Е. Ф. Усманова, М. С. Митькина // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 6 (234). С. 148–151.

[16] Щеголева А. М. История разработки и принятия Картахенского протокола по биобезопасности 2000 г.: travaux préparatoires / А. М. Щеголева // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 2. С. 300–310.

[17] Щербакова А. И. Биотехнологии и патентное право: опыт Европейского союза // Цифровое право. — 2023. № 4 (2). С. 64–72.

[18] Patil R. Biotechnology Market Size, Share and Trends 2026 to 2035 [Объем, доля и тенденции развития рынка биотехнологий с 2026 по 2035 год] // Driving Success: Powered by Insights [Движущая сила успеха: на основе инсайтов]. [сайт]. 2025. URL: <https://www.precedencere search.com/biotechnology-market> (дата обращения: 03.07.2026). (на Англ.).

[19] См. абз. 4 ст. 2 Конвенции о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 г.).

[20] См. ч. 4 ст. 1349 ГК РФ.

[21] См. ст. L613-2-1 Кодекса интеллектуальной собственности Франции.

[22] См. Приказ Минэкономразвития России от 25.05.2026 г. № 316.

[23] См. лит. d абз. 2 ст. 52 Европейской патентной конвенции.

References:

[1] Akhmedova G. Modern methods of biotechnology/G. Akhmedova, Sh. Mammedova, G. Annaev, G. Ovezmyradova // Innovative science. — 2024. — № 10-2-2. S. 11-13.

[2] Boruleva E. D. Patenting of the human genome and inventions based on the human genome: comparative legal analysis of the approaches of the European Union, Anglo-Saxon countries and BRICS countries/E. D. Boruleva // Journal of the Intellectual

- Property Court. — 2025. - No. 1 (47), March. - S. 96-107.
- [3] Volova L.T. Problems of legal regulation of relations in the field of medical tissue technologies in the Russian Federation/L.T. Volova, N.A. Maksimenko M.V. Levina // Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. — 2024. — № 3. S. 97-109.
- [4] Gavrikov M. D. Patent law and competitive relations in business: challenges and opportunities/ M. D. Gavrikov // FIPS Bulletin. — 2023. — № 2 (4). S. 32-36.
- [5] Kovalev V.V. Concept and content of civil regulation of patent law, protection and protection of patent rights/V.V. Kovalev // Law and management. — 2023. — № 5. PP. 199-204.
- [6] Koroleva A. G. From demarcation to partial cumulation: the evolution of UK approaches to the ratio of forms of legal protection of industrial design objects/A. G. Koroleva // Legal protection of intellectual property: problems of theory and practice: collection of materials of the X International Legal Forum (IP Forum): in 2 volumes - M.: Publishing Center of the University named after O. E. Kutafin (Moscow State Law University A), 2022. - VOL. 1. - S. 202-204.
- [7] Kudryavtseva O. V. Typology of biotechnology and the place in it of the Russian bioenergy industry/O. V. Kudryavtseva, E. Yu. Yakovleva, M. V. Wilt // Bulletin of GUU. — 2014. — № 13. S. 123-132.
- [8] Latyntsev A. V. Principles of bioethics as unconventional sources of intellectual property law/ A. V. Latyntsev // Actual problems of Russian law. — 2024. — № 12 (169). S. 57-67.
- [9] Myshak E. A. Specificity of the definition of the term "Biotechnology "/E. A. Myshak // Studia Humanitatis. — 2018. — № 3. - S. 19.
- [10] Novoselova L. A. Genetic information as an object of intellectual rights/L. A. Novoselova, M. A. Kolzendorf // Bulletin of Perm University. Legal sciences. — 2020. — № 48. S. 290-321.
- [11] Ostanina E. A. Biobank as a legal category/ E. A. Ostanina // Legal Bulletin of Samara University. — 2023. — № 2. S. 65-70.
- [12] Ponkin I.V. Patenting in the field of biotechnology/I.V. Ponkin // Industrial and Commercial Law (Belarus). — 2015. — № 10. - S. 88-91.
- [13] D.V. Stambolsky. Informed consent to receive and use human cell material: regulatory and ethical regulation/D.V. Stambolsky, E.V. Bryzgalina, A. Yu. Efimenko [et al.] // Russian Journal of Cardiology. — 2018. — № 12. S. 84-90.
- [14] Tishchenko P. Bioethics and biotechnological development of the future/ P. Tishchenko, O. Popova, R. Belyaletdinov // Philosophical and literary journal "Logos." — 2025. — № 5. S. 11-49.
- [15] Usmanova E.F. Legal Regulation of Genetic Research/E.F. Usmanova, M.S. Mitkin // Law and State: Theory and Practice. — 2024. — № 6 (234). S. 148-151.
- [16] A. M. Shchegoleva. History of the development and adoption of the Cartagena Protocol on Biosafety 2000: travaux préparatoires/ A. M. Shchegoleva // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. — 2014. — № 2. S. 300-310.
- [17] Shcherbakova A.I. Biotechnology and patent law: the experience of the European Union // Digital law. — 2023. № 4 (2). S. 64-72.
- [18] Patil R. Biotechnology Market Size, Share and Trends 2026 to 2035 // Driving Success: Powered by Insights. [site]. 2025. URL: <https://www.precedenceresearch.com/biotechnology-market> (дата обращения: 03.07.2026). (in English).
- [19] See art. 2 para. 4 of the Convention on Biological Diversity (Rio de Janeiro, June 1992).
- [20] See Part 4, Article 1349 of the Civil Code of the Russian Federation.
- [21] See Article L613-2-1 of the French Intellectual Property Code.
- [22] See Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 316 dated 25.05.2026.
- [23] See Ref. d par. 2 Art. 52 of the European Patent Convention.

